

С. Ф. Блуменау

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО ДУХОВЕНСТВА

Всеобщая история: современные исследования /
Межвуз. сб. науч. тр.
Вып. 11. Брянск, 2002. С.19-32.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век
Просвещения ©

Большую часть XX века отечественная историческая наука ориентировалась на марксизм, интерпретируемый к тому же в ленинско-советском духе. Одновременно на развитии нашей историографии Французской революции сказывалось и наследие знаменитой «русской школы». В центре внимания исследователей находились аграрно-крестьянская история, народные движения, идеология Просвещения и коммунистические утопии, левые и крайне левые политические течения, якобинский период и диктатура 1793-1794 годов.

Нельзя сказать, чтобы религиозно-церковные сюжеты совершенно игнорировались советскими историками. Интересными и значимыми были работы [Я.М.Захера](#) и [М.Я.Домнича](#)¹, пусть и не выходящие за пределы марксистско-ленинских предначертаний. Гораздо хуже проблемы религии и церкви времен Французской революции оказались представленными в трудах обобщающего плана. В информативном, охватывавшем буквально все стороны жизни эпохи, томе «Французской буржуазной революции 1789-1794 годов» под редакцией В.П.Волгина и [Е.В.Тарле](#) непосредственно гражданскому устройству духовенства посвящался только один абзац². В несколько измененном виде его материал переключивал из одной сводной работы в другую³. Церковная реформа рассматривалась как один из элементов преобразований, предпринятых Учредительным собранием; о ее особой драматической роли в революции ничего не говорилось, да таковая и не подразумевалась. Мы встретим в этих книгах больше сведений о конфискации и распродаже церковных имуществ, что объясняется традиционно высоким интересом российской науки к аграрно-крестьянской проблематике. В учебной литературе сложилась схожая и даже более безрадостная ситуация. В последнем вузовском пособии под редакцией Е.Е.Юровской и И.М.Кривогуза вовсе не упоминается о гражданском устройстве духовенства⁴. Приятным исключением остается вышедший еще до перестройки учебник под редакцией А.В.Адо. О церковных переменах 1790 года здесь сказано емко и внятно⁵. Вообще франковеды кафедры новой и новейшей истории МГУ проявляли определенный интерес к вопросу. В «Документах истории Великой Французской революции» тому, что происходило в религиозно-церковной сфере, уделен специальный раздел⁶. Но примечательна описка, допущенная в этом высоконаучном издании. Декрет о гражданском устройстве духовенства датируется здесь 12-24 августа, а не месяцем раньше, когда он и был принят⁷.

Стоит ли, однако, предполагать, что реформа церкви в 1790 году явилась столь значимой для судеб Французской революции? Разве этот год не был самым бесконфликтным в исторической драме конца века? Складывались довольно ровные отношения между Людовиком XVI и Ассамблеей, несмотря на отдельные размолвки Учредительное собрание и, что более важно, народ оставались настроенными монархически. Правда, революционный лагерь не отличался гомогенностью, существовали определенные противоречия между демократами и либералами, но до раскола было далеко. [Праздник Федерации 14 июля 1790 года](#) стал символом консолидации революционных сил. Да и врагов у революции поначалу было не так много. Новый порядок отвергался значительной частью привилегированных, но широкая, по настоящему массовая, база у контрреволюции отсутствовала. Происки эмигрантов, их попытки подтолкнуть монархов Европы к агрессии против революционного государства пока успеха не имели. Война еще не угрожала Франции.

События развивались вполне мирно и вроде оправдывали надежды самых розовых оптимистов на то, что возникшая система скоро упрочится. Никто не предполагал, что революционный процесс затянется на 10 лет, принесет невероятно много горя, крови, разрушений. Быстро провести революционный корабль среди бурь и между рифов в тихую гавань представляется крайне сложным, если вообще возможным делом. Современные историки, которые, в отличие от участников революционного действия, заранее знают весь последующий ход событий, все же затрудняются предложить, пусть и задним числом, наименее кровавый вариант в сочетании с обязательным торжеством прогресса. Но исследователи не могут не задаваться вопросом о «цене революции», не размышлять о роковых ошибках, приведших к трагедии.

В середине 60-х годов Ф.Фюре и Д.Рише, позитивно характеризуя период с 1789 по 10 августа 1792 года, подчеркивали, что народное движение и война сбили Французскую революцию с магистральной линии, «которая должна привести ее к мирному либерализму...»⁸ Но позднее, в 80-е годы, их критики из консервативной среды отвергли подобные предположения. Ф.Афтальон в работе «Экономика и Французская революция» заметил, что «в течение даже 1790 года, который историки расценивают, в общем, как год счастливый и спокойный, было принято два решения, вызвавших голод и возбуждавших религиозные страсти, обнаруживших определяющее значение для последующих событий»⁹. Он имел в виду выпуск ассигнатов и гражданское устройство духовенства. Жесткую позицию в отношении резонов Фюре и его последователей занял знаток «сентябрьских убийств» Ф.Блюш. Иронизируя по поводу «счастливого 1790 года» и «либеральной фазы» революции, ученый писал о присяге духовенства как об акте насильственной лаицизации, считал ее объявлением войны традиционной вере¹⁰. И конкретно-исторические исследования религиозно-церковной проблематики, предпринятые в 80-е годы, квалифицировали гражданское устройство духовенства как драматический шаг, сыгравший большую, если не главную роль в развязывании гражданской войны.¹¹ Показательно, что и сам Фюре, которого неоконсерваторы упрекали в идеализации происходившего в начальный период революции, накануне празднования ее 200-летия отметил значимость церковной реформы 1790 года для возникновения широкого недовольства среди населения и согласился с тем, что «побудительная причина вандейского восстания религиозная, а не социальная или просто политическая»¹².

Действительно, гражданское устройство духовенства мало кого могло оставить равнодушным. Но оно вызывало разные эмоции, ведь отношение к церкви и крепость веры были у французов совсем не одинаковыми.

Рост грамотности, образованности, рационализм усиливали светское начало в жизни. Подрыв влияния церкви, несомненно, связан с идеологией Просвещения. Известный французский историк Р.Мюшамбле констатирует, что философов, публицистов, литераторов, выступавших с ее позиций, насчитывалось 2,5 тыс., 50 тыс. человек пропагандировали просветительские воззрения, а полмиллиона составляли аудиторию, способную усвоить эти представления¹³. Большинство адептов Просвещения оставались верующими, но они критически оценивали церковь и ее служителей. Этим людям церковная организация, не без основания, виделась ретроградной, консервирующей невежество и предрассудки, противостоящей прогрессу. Тем сильнее они проникались скептицизмом в отношении религиозных запретов и обрядовой стороны культа.

Происходившие на верхних ступенях общественной лестницы изменения в умонастроениях подхватывались и перенимались городским мелким людом. Отчасти это было результатом подражания, данью моде. Но у простонародья имелись и собственные веские претензии к церкви и клирикам. В свое время большой популярностью пользовался янсенизм - течение в католицизме. Священники-янсенисты привлекали парижан, да и жителей других городов аскетизмом и моральным ригоризмом, выгодно отличавшимися на фоне огромных богатств ортодоксальной церкви и не вполне нравственного облика отдельных ее представителей. Организованные прелатами при поддержке папы и королевской власти преследования религиозных диссидентов явились одной из главных причин возникшего в середине XVIII века во Франции политического кризиса. Оставленный им тяжелый осадок скажется на отношении санкюлотов к церковникам в ходе революции. В адрес клира раздавались и упреки иного рода, в том числе, из крестьянской среды. Контрреформаторская церковь при посредстве своих служителей ограничивала и запрещала

некоторые крестьянские развлечения: посещение кабачков, карнавалы, вечеринки. Впрочем, пренебрежение обязанностями практикующего католика не всегда вызывалось осознанным неприятием. В ускорявшемся ритме жизни многим просто не хватало времени для религиозной обрядности.

Мысли о «дехристианизации» сознания значительной части населения в эпоху Просвещения довольно часто озвучивались историками. Предложенные ими для анализа религиозной практики и поведения в быту тесты вполне подтверждают подобные гипотезы. Распространенным явлением стало несоблюдение Великого поста. В Бордо, по подсчетам Ж.Шолви, этим «грешило» более половины жителей¹⁴. В последних распоряжениях все реже высказывалось пожелание посмертной мессы. М.Вовель, исследовавший вопрос на марсельском материале, заметил, что, если в начале XVIII века такие просьбы имелись в подавляющем большинстве завещаний, то перед революцией на этом настаивали 50% розничных торговцев, 40% буржуа, 35% ремесленников¹⁵. Сильно уменьшился спрос на церковную литературу, а удельный вес новых работ по данной тематике и вовсе упал до 0,5%¹⁶. Согласно посмертным инвентарям, произведения религиозного содержания составляли лишь 10% книг, хранившихся в домашних библиотеках¹⁷. Перестала привлекать людей монашеская жизнь. Выкладки М.Кюббельс свидетельствуют о том, что парламентарии Экса стали посылать своих родившихся в первой трети XVIII века дочерей в монастыри сравнительно редко (16,5%), тогда, как раньше, это случалось более чем с половиной из них¹⁸. Показательно, что созданная в 1766 году комиссия по монастырской реформе за два десятилетия закрыла 386 монастырей¹⁹. Божьей кары стали бояться меньше, что отразилось в росте внебрачных рождений и числе брошенных детей. Исследования свидетельствуют о большем, чем прежде, применении контрацепции²⁰.

Эти процессы интенсивно затрагивали лишь часть страны и далеко не все группы населения. Для «Франции перемен» стало характерным обмирщение духовной жизни. Здравый смысл, знания, интересы вытесняли религиозные мотивы в поведении людей. Импульсы шло из городов, прежде всего, религиозных центров и индустриальных. Но они достигали и сельских районов, которые открывались «внешнему миру», демонстрировали способность к усвоению новых представлений и ценностей.

Однако, наряду с новой Францией, была и другая - традиционная, числом она превосходила «Францию перемен». С ней оказалась связана большая часть крестьянства. Религиозные праздники и посты являлись настоящими вехами деревенского существования. Здесь господствовали народная культура и «фольклорное христианство». В повседневности много значили вера в приметы, иные суеверия. В умах сельских жителей крепко засел страх греха и ада. Будучи важнейшим центром притяжения прихожан, церковь закрепляла вековые представления. Консервации традиционной религиозности способствовали специфика местности, ослаблявшая возможности воздействия извне, укорененность диалектов, также затруднявшая широкие контакты²¹. Традиционному деревенскому миру были свойственны большая гомогенность и самодостаточность.

В отношении религии французское общество явно разделялось по половому признаку. Львиную долю времени и внимания женщины поглощали хозяйственные заботы, дети и церковь. Застать селянку за чтением даже в воскресенье было почти невозможно и по другой причине: элементарно грамотных женщин в среднем по стране насчитывалось 27%, а на территориях к югу от Луары - и вовсе 12%²². Религия отвечала духовным запросам слабого пола. Огромным авторитетом и не только у крестьянок пользовался кюре, его мнение становилось для них порой, определяющим в разрешении возникавших жизненных проблем. По-другому вели себя мужчины. Их религиозность нередко исчерпывалась присутствием на воскресной мессе.

Политикам новой Франции приходилось иметь дело с «расколотой страной». Но указанные различия и противоречия не осознавались в должной мере обществом и законодателями. Религиозные верования и воззрения самого депутатского корпуса тоже были далеко не одинаковыми. Среди членов Учредительного собрания насчитывалось 24 протестанта и несколько десятков яansenистов. Представители привилегированных сословий часто являлись приверженцами религиозной ортодоксии. Депутаты - разночинцы в большинстве склонялись к деизму²³. Они отрицательно относились к тогдашней церкви как к институту. Последняя оказалась тем более уязвимой, что не предприняла в эпоху Просвещения попыток самореформирования, обновления. Современные ученые из среды

католического духовенства, не принадлежащие к клерикальному лагерю, сами отмечают это обстоятельство в качестве важной причины той трагедии, что произошла с церковью во время революции²⁴. Парламентариев, как и общество в целом, раздражали впечатляющие богатства клира и его налоговый иммунитет. Тогда, когда Франция изнывала под бременем громадных долговых обязательств, духовенство отделялось так называемым добровольным даром, умудряясь при этом еще одалживаться у казны.

Неприязнь значительной части депутатов к церкви не помешала бы, вероятно, сдержанности и осмотрительности в проведении церковной реформы, если бы они только смогли услышать голос «традиционной Франции». Но людям, стоящим вне письменной культуры, трудно обнародовать свое мнение и донести его до законодателей. Депутатский корпус знал пожелания «Франции перемен» и они тем охотнее воспринимались Ассамблеей, поскольку разделялись ее большинством.

В своей практике Конституанта руководствовалась абстрактно-рационалистическими взглядами, унаследованными от Просвещения и имевшими как сильные, так и слабые стороны. Власти собирались построить новое государство и общество на основах разума, предварительно обрушив Старый порядок, который таким требованиям не отвечал. Это казалось тем более оправданным, что прежнюю государственную машину и ее звенья - политические, административные, судебные, финансовые отличали хаотическое сосуществование и нагромождение различных институтов, крайне затруднявших эффективную работу. «Гордиев узел» нельзя было развязать, его можно было только разрубить. Но область отношений человека с Богом требовала особого подхода, политической тонкости, деликатности, учета исторических особенностей Франции, настроений населения. Абстрактно-рационалистический волюнтаризм в религиозных делах опасен, в чем Учредительное собрание убедится позже, когда решающие ошибки уже будут совершены.

Но приступая к церковной реформе, депутаты Ассамблеи не испытывали сомнений. Уверенности добавляли предыдущие успехи. «Декларация прав», кардинальные реформы в сферах государственного строительства, политики, и экономики, уже осуществленные к середине 1790 года, позитивно воспринимались огромным большинством французов. Значимые шаги делались и непосредственно в церковной области. В свете новых правовых представлений, возобладавших еще до революции²⁵, десятина, уплачиваемая духовенству, как и наличие у него земель, становились очень уязвимыми для критики. Наряду с государственным долгом и недовольством крестьян, как церковными поборами, так и своим малоземельем, это обернулось против клира. [Декрет 11 августа 1789 года](#) отменил церковную десятину безвозмездно, а закон 2 ноября предусмотрел передачу имущества церкви в распоряжение нации. Данные решения, к которым подводили и наказания избирателей, облегчили материальное положение земледельцев, а, главное, открыли многим слоям населения хорошие перспективы для приобретения земли. Поэтому они получили широкую, массовую поддержку.

Законы, позволившие выход из монастырей и, наоборот, запретившие обращение в монашество, не вызвали в обществе сильного резонанса. Декрет 24 декабря 1789 года, уравнивший протестантов с католиками, был прямым и логическим следствием из «Декларации прав». Но в некоторых местах, где инаковерующие составляли значительную часть жителей, межконфессиональные отношения обострились. Речь идет, прежде всего, о тех городах Лангедока, где приверженцы Реформации, будучи мануфактуристами, выступали в качестве работодателей для тысяч пролетариев, преимущественно католиков. Социальная неприязнь со стороны последних сочеталась с религиозной нетерпимостью. 10 мая 1790 года в Монтобане, а 13 июня в Ниме вспыхнули волнения, направленные против протестантов и местных революционных властей. Они могли бы лишней раз навести деятелей Конституанты на мысли о сложности религиозных проблем, о том, что при их разрешении торопливость и радикализм не уместны. Но этого не случилось.

Предложения по гражданскому устройству духовенства Церковный комитет Учредительного собрания сформулировал в апреле 1790 года. Три их компонента представляются наиболее значимыми: независимость от Ватикана, передел церковных округов, выборы священнослужителей по примеру светских должностных лиц. Революция освободила епископов от обязанности посылать в Рим аннаты - денежный взнос в размере годового дохода. Теперь папе отказывали в канонической инвеституре иерархов

французского католического клира. Исходя из соображений единообразия и удобства, собирались привести церковные округа в соответствие с новым административным делением. Границы департаментов и диоцезов должны были совпадать, а посему вместо прежних 134 епархий оставались только 83. Они входили в десять архиепископских округов-митрополий. Существенно уменьшилось и количество приходов. «В городах и бургах, насчитывающих менее 6 тысяч душ, учреждается лишь один приход; прочие приходы упраздняются и присоединяются к главному»²⁶.

Самым возмутительным аспектом намеченной реформы были выборы церковных должностных лиц светскими избирателями. Смерть или отставка епископа влекли за собой избрание нового департаментскими выборщиками. За кюре прихода голосовали выборщики дистрикта. И только своего vikария священник назначал сам. Создавалась парадоксальная ситуация, ведь среди выборщиков были не только католики, но и представители других конфессий. Это заставило власти внести в будущий декрет пункт о том, что голосование будет происходить в церкви по окончании католической мессы. Так появлялась возможность отстранить не католиков от процедуры избрания. Стремясь соблюсти хотя бы для видимости вековые правила и не рассориться с церковью совсем, государство оставило в силе посвящение в сан кюре и епископов вышестоящими духовными лицами. Но контроль за инвеститурой оно сохранило за собой, чем во многом профанировало процедуру. Позднее, в том же 1790 году будет принят дополнительный декрет, подстраховывавший революционные власти от возможных неожиданностей. Если избранный епископ не получал посвящения от главы своей митрополии, то мог обратиться к любому епископу данного округа. В крайнем случае, при отказе всех иерархов этой митрополии дело передавалось в кассационный суд, который рекомендовал либо французского епископа, чья благожелательность была известна, чтобы тот осуществил посвящение. Таким образом, все равно последнее слово оставалось за светским учреждением - судом.

Реформа являлась решительным шагом в деле реорганизации церкви, тем более что выплата жалованья духовным должностным лицам осуществлялась за казенный счет. Показательно также, что поначалу предполагалось сделать новые церковные установления частью подготавливаемой новой конституции страны.

Влиятельные в среде духовенства и ведомые либеральными прелатами силы в принципе не возражали против реформирования церкви. Но они настаивали на согласовании перемен с требованиями религии, требующими канонического освящения новшеств. Главой и рупором течения стал архиепископ эксский Буажелен, выступивший в Собрании и обрисовавший контуры возможного компромисса. Его речь свидетельствовала о лояльности политическому курсу Ассамблеи. Одновременно оратор заверял, что клир не останется «безразличным к пожеланиям гражданских властей» и не допустит «существования неприемлемых правил или выродившихся обычаев» в религиозной сфере. Буажелен и группировавшиеся вокруг него духовные лица не оспаривали территориальной реорганизации церкви, более того, они уже предпринимали шаги к изменению границ церковных округов, как и предусматривал проект декрета. С одобрения Учредительного собрания деятели французской церкви вступили в контакт с представителями Ватикана, добиваясь согласия папы на нововведения. От их имени Буажелен выдвигал идею созыва национального собора, который поможет примирить интересы религии и государства и даст канонические средства для поддержания реформы²⁷.

Конечно, духовенство шокировало то, что избрание священнослужителей возложено на светских лиц. Аббат Жакемар предложил, чтобы их выбирали клирики. В самом Церковном комитете докладчик проекта Мартино склонялся к тому, чтобы выборы происходили на смешанной основе с участием, как духовенства, так и светских избирателей. Но левые решительно возражали против этого. Среди них выделялся Робеспьер, не только отвергавший выборы епископов и кюре клириками, но и настаивавший на выдвижении мирян на церковные должности. Выступавший полагал также, что «архиепископы являются ненужной ступенью иерархии»²⁸, а остальным служителям культа требовал понизить жалованье. Поддержанный Барнавом и Ле Шапелье, Робеспьер не добился своего, но левые пресекли саму возможность движения Собрания навстречу умеренно-либеральной части духовенства.

Решения 12-24 июля вызвали резкое неприятие части клира. Группа церковных иерархов будоражила население протестными пастырскими посланиями Немало духовных лиц уже покинуло страну; некоторые осели в штабе эмиграции в Турине. При посредстве епископа д'Агу осуществлялись контакты этих сил с Людовиком XVI. Дальше всех пошел кардинал Роган, формировавший в Эльзасе отряд для роялистского войска.

На территории Франции имелись «горячие точки», где противостояние на религиозной почве то затухало, то разгоралось с новой силой. Непрерывавшаяся гражданская война, приобретающая, порой, кровавые формы, развернулась в папских владениях на юге страны - в Авиньоне и графстве Венессен. Весьма напряженной была обстановка в некоторых районах Виваре. Здесь, в департаменте Ардеш 17-18 августа 1790 года возник Жалеский лагерь с десятками тысяч вооруженных людей, которых намеревались использовать в борьбе с протестантами.

В регионах нарастало недовольство в связи с гражданским устройством духовенства, но законодатели относили все за счет происков враждебных революции служителей культа. Главную задачу они видели в том, чтобы оторвать реакционеров от их паствы. Решено было распространить присягу нации, закону, королю Конституции и гражданскому устройству духовенства с вновь избираемых священников на всех. Отказавшиеся от нее представители клира отстранялись от церковных должностей и теряли, таким образом, связь с прихожанами. Что же касается сторонников компромисса с революционной властью во главе с Буажеленом, то депутаты надеялись, что поставленные перед необходимостью немедленного выбора, те откажутся от колебаний и займут позицию поддержки церковной реформы.

25 ноября 1790 года в Ассамблее представили проект декрета о присяге. Ее должны были принести все священнослужители, связанные со своими епархиями и приходами. Сроки оговаривались. Предполагалось, что не принесшие клятву лица будут заменены путем выборов в соответствии с порядком, прописанным декретом от 12-14 июля. На следующий день новый закон приняли и после месяца проволочек его утвердил Людовик XVI.

В течение недели с 27 декабря клятву давали представители церкви в Учредительном собрании. Присягнувших здесь оказалось 109 человек, но среди них только два епископа - Талейран и Гобель. В последующие воскресные дни 9 и 16 января 1791 года процедуру проходило духовенство столицы. Из 52 кюре парижских приходов не присягнуло 28. Большая часть служителей культа отвергла присягу в Эльзасе, Фландрии, Артуа.

Не хотели присягать в районах бокажей в западной Франции. Природа и особенности хозяйства отгораживали местных жителей от соседей. Новаторство центральной власти, в частности, в церковной сфере наталкивались на стремление крестьян Запада сохранить свой миропорядок, отстоять традиционное общество. При исключительной роли священника в приходе сам он испытывал мощное воздействие со стороны прихожан и его поведение часто было отголоском их настроений²⁹. О решающем значении этой зависимости в связи с присягой духовенства пишет известный исследователь Вандеи Алэн Жерар. В регионе были и равнины, для которых свойственны оживленные контакты с внешним миром, с близлежащими городками, восприятие их культуры. И хотя кюре являлись однокашниками по семинарии тех, что отправляли функции в бокажах, результаты присяги оказались разными. В равнинных местностях в пользу реформы высказалось 59% священников, а в бокажах только 23%. Поэтому А.Жерар вслед за американцем Т.Тэкеттом считает присягу своеобразным референдумом среди населения³⁰.

Подобная ситуация сложилась и в Анжу. На востоке департамента Мэн и Луара присягнули 117 служителей культа из 130 (89%), в местности Божуа - 65%, а бокажи между Луарой и Лейоном стали зоной отказа³¹. Клер разделился по поводу присяги и в Нормандии. В области Бре с реформой согласились, а на западе, в области Ко ее отвергли. В отдельных кантонах последней не присягнувшие составили более 85%, а вот в двух кантонах восточной части провинции таковых оказалось только 15% и 17%³². Всего же в Нормандии 52% духовных лиц дали клятву, а 48% не приняли церковных преобразований³³.

В отличие от упомянутых провинций Бретань показала себя в отношении присяги гомогенно. Большое значение имела позиция селян. Известный историк Р.Дюпюи обращает внимание на возникшую в первые годы революции враждебность крестьян к новым властям и их агентам и объясняет ее происхождение. Развернувшиеся здесь «жакерии» и выступления, вызванные дороговизной, отличались решительностью, и ученый говорит об «антисеньориальном максимализме» восставших. С другой стороны, направляемые местной администрацией на подавление бунтов, национальные гвардейцы действовали жестко, о чем свидетельствует, например, инцидент в городке Редон, где крестьяне, поджигавшие дома своих врагов, потеряли несколько человек убитыми. Показательно, что позже в дистрикте Редона все 100% священнослужителей отказались присягать.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что с революцией Бретань лишилась льгот, привилегий, которые имела при Старом порядке. Сыграли свою роль местный партикуляризм, привязанность к бретонскому языку и традициям. Среди духовенства преобладали ультрамонтаны, что сказалось на отношении к реформе. Департамент Нижняя Луара дал 77% «отказников», Иль-е-Вилен - 83%, Морбиньян - 85,5%, Финистер - от 59% до 90%, а Кот-дю-Нор - 75%. Средний показатель по Бретани - 80% неприсягнувших³⁴.

Неоднозначная ситуация сложилась на юге страны. Практически единодушно присягнули клирики департамента Изер - 95%. В департаменте Вар гражданское, устройство духовенства поддержали 85% священнослужителей³⁵. Похоже, что итоги голосования предопределила позиция местного населения, расположенного к переменам. Ведь то были предальпийские районы, с характерными именно для них высокой грамотностью деревенских жителей и хорошим французским, отличавшим горцев от многих южан, говоривших на провансальском диалекте³⁶. В граничащих с Испанией Верхних Пиренеях и Арьеже присягнувшие также преобладали: соответственно 77% и 66%³⁷. Но на большей части Лангедока дело обстояло иначе. Диоцез Тулузы, то есть департамент Верхняя Гаронна дал 660 отказников при 441 присягнувшем. Население региона было набожным: в одной Тулузе насчитывалось 90 церквей и часовен³⁸. И в области Виваре результаты явились неблагоприятными для властей. Сохранявшаяся здесь напряженность, связанная с противостоянием католиков и протестантов, сказалась, например, на положении в департаменте Ардеш³⁹. В соседнем Лозере из приходских кюре реформу поддержали лишь 16%, а в Авейроне - 24%. В отдельных дистриктах в Южном Руэрге количество присягнувших оказалось ничтожным. Здесь население по образу жизни и ментальности походило на обитателей бокажей Запада⁴⁰.

Каковы же были результаты в общефранцузском масштабе? По мнению склонного к клерикализму Ж. де Вигери, отказались присягать 52-53% священников⁴¹. При этом он подчеркивает приблизительность цифр и сложность установления истины. Т.Тэккетт, поддержанный некоторыми французскими учеными, напротив полагает, что присягнувших было больше: от 52 до 55%⁴². В любом случае, корпус священнослужителей раскололся на две примерно равные части.

Итоги кампании смутили и даже шокировали законодателей, ведь они надеялись, что неприсягнувшие окажутся в явном меньшинстве и их удастся быстро заменить. Задача получилась куда более трудной. Чтобы облегчить ее решение Ассамблея приняла 8 января 1791 года декрет, сокративший необходимый для занятия епископской должности стаж священника с 15 до 5 лет, а ставший во главе парижской епархии Гобель в спешном порядке возвел в сан 36 избранных епископов. Но выборы нередко срывались и приходы не имели кюре. Так, в Вандее, в дистрикте Машкуль из 24 вакансий заполнили было 13, но вскоре 12 избранных отказались от должностей под влиянием местного общественного мнения. Вновь избранные клирики третировались населением, именовавшим их «самозванцами».

Недовольство обнаружилось во многих регионах западной и южной Франции. Для здешних жителей значимым было то, что новшества в церковных делах исходили от Учредительного собрания, пусть власти, но лишенной какой-либо сакральности. Они прислушивались к осуждению этих мер высокими иерархами церкви и приходскими священниками. Со своей стороны, законодатели отделяли собственно религию от «внешней стороны культа» и полагали, что раз перемены не касаются догматов веры, то они не вызовут противодействия населения. Политики не понимали синкретических религиозных представлений «традиционной Франции». Бог, религиозная вера, церковь и ее порядки, свой кюре - все это рассматривалось как нечто нераздельное. Удар по одному из элементов

системы воспринимался как покушение на нее в целом. Неприязнь к церковной реформе возросла, когда выявились ее ближайшие последствия - отстранение прежних служителей культа, передел границ одних приходов, упразднение других. Ко всему этому стали быстро добавляться раздражавшие прихожан трудности бытового, повседневного характера. В таких условиях ширились протесты, принимавшие разнообразные формы.

Приведем несколько примеров. Так, 25 февраля 1791 года 60 прихожан из коммуны Аврилле в департаменте Вандея во главе с местным нотаблем Дю Шаффо явились в директорию своего дистрикта. Они выступили против изменений границ прихода, потребовали оставить им их кюре и епископа, и, подводя итог, сообщили, что «не хотят ни в какой форме присоединяться к гражданскому устройству духовенства...» После такого решительного заявления манифестанты достаточно спокойно удалились восвояси. Но так было далеко не всегда. В дистрикте Шаллан того же департамента 25 апреля возмущенные люди учинили разгром приходской церкви, где службу отправлял конституционный священник, избili местных активистов Общества друзей конституции, напали на национальных гвардейцев⁴³.

По кровавому сценарию развивались события в департаменте Морбиньян в Бретани. После воскресной мессы у неприсягнувшего кюре полторатысячная толпа отправилась в город Ванн. Восставшие собирались свести счеты с безбожниками-революционерами, но были остановлены национальной гвардией и солдатами расквартированного здесь полка. Результат оказался трагическим: 13 убитых, 16 раненых.

Но о неприятии перемен сигнализировали не только и даже не столько драматические события, сколько повседневная религиозная практика в проблемных регионах. Самым показательным было то, что воскресные мессы у конституционного священника посещал с десяток прихожан, тогда как большинство уходило за несколько километров от своего местожительства к неприсягнувшему кюре.

Многое свидетельствовало о том, что недовольство на почве религии быстро переходило в отрицание новой политической системы. Посланные в департаменты Вандеи и Де Севр комиссар отмечали, что вместе с гражданским устройством духовенства местные жители не приемлют и общие законы государства. Они подчеркивали, что «религиозное разделение вызвало политический раскол среди граждан», причем «очень небольшая часть населения, которая ходит в церкви присягнувших священников, называет себя патриотами; те же, которые ходят в церкви неприсягнувших священников, сами себя называли аристократами»⁴⁴.

На западе Франции ситуация складывалась явно не в пользу революционных властей. Но и во многих областях юга их решения принимались в штыки. В этот ареал, возникший с 1790 года в связи с церковной реформой, М.Вовель включает Лозер, север департамента Гар, Ардеш, Верхнюю Луару, Канталь, Ло, Авейрон. Речь идет «о полюсе укоренившейся враждебности, о настоящей Вандее, упущенной, если так можно выразиться»⁴⁵.

Введение гражданского устройства духовенства, его присяга и то что последовало за этим, серьезным образом повлияли на умонастроения французов Тысячи людей, прежде относившихся к революции, если не с симпатией, то, по крайней мере, нейтрально, сделались теперь ее врагами Возникли предпосылки для складывания массовой базы контрреволюции Справедливо писал об этом Ф Фюре «До церковного раскола контрреволюционная эмиграция не находила отзвука во Франции До середины 1790 года Старый порядок не имел народного знамени Религиозная борьба представила его»⁴⁶.

В 1791 году ухудшилось и внешнеполитическое положение Франции Подписанная 27 августа Австрией и Пруссией Пильницкая декларация явилась истоком первой антифранцузской коалиции Бегство короля и расстрел на Марсовом поле привели к окончательному расколу революционного лагеря на либералов и демократов. Все это очень осложнило течение Французской революции Возможность ее быстрого, с малыми жертвами, завершения и установления прочных либеральных общественно-политических порядков оказалась нереализованной. Предстояла долгая и трагическая борьба внутри страны, сопровождаемая гражданской войной на Западе и жестокими битвами с объединившимися против Франции другими великими державами Европы.

Примечания

- ¹ Михайлов Я. (Захер Я.М.) Великая Французская революция и церковь. Т.1-2. М.-Л., 1930-1931; Домнич М.Я. Французская революция и католическая церковь. М., 1960.
- ² Французская буржуазная революция 1789-1794 годов. М.-Л. 1941. С.78.
- ³ Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983. С.84; Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции. 1789-1799. Л., 1989. С.120-121.
- ⁴ Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Учебник по специальности «История». М., 1997.
- ⁵ Новая история стран Европы и Америки. Первый период. М., 1986. С.189.
- ⁶ Об этом см подробно: С.Ф.Блуменау. Документы истории Великой Французской революции. Т. I // Новая и новейшая история 1991. № 4.
- ⁷ Документы истории Великой Французской революции. М., 1990. Т.1. С.392.
- ⁸ Furet F. et Richet D. La Revolution francaise. P.,1973. P.159.
- ⁹ Aftahon Fl. L'Economie et la Revolution francaise. P., 1987. P.121.
- ¹⁰ Bluche F. Septembre 1792 / Logiques d'un massacre. P., 1986. P.159.
- ¹¹ L'Eglise de la France et la Revolution. Histoire regionale L'Quest. T.I. P., 1984; Les resistances a la Revolution. Actes du Colloques de Rennes. P., 1987; Dupuy R. De la Revolution a la chouannerie. Paysans en Bretagne: 1788-1794. P., 1988.
- ¹² Furet F. Chouannerie; idem. Vendee // Dictionnaire critique de la Revolution francaise. P., 1988.
- ¹³ Muchembled R. Societe et mentalites dans la France moderne: X^{VI}-X^{III} siecles. P., 1990. P.152.
- ¹⁴ Cholvy G. La religion en France de la fin du XVIII-e a nos jours. P., 1991. P.5.
- ¹⁵ Vovelle M. Elites ou le mensonge des mots? // Annales. Economies. Societes. Civilisations. (Далее - AESC), 1974. № 1.
- ¹⁶ Roche D. Les Republicains des lettres. Genis de culture et Lumieres au XVIII siecle. P., 1986. P.114.
- ¹⁷ Chartier R. Les origines culturelles de la Revolution francaise. P., 1991. P.88.
- ¹⁸ Cubertis M. La Pensee des Lumieres et le papillon en ailes d'ix au XVI siecle. P., 1984. P. no 7.
- ¹⁹ История Европы. М., 1994. Т.4. С.172.
- ²⁰ Об этом см. например: Lebrun P. La vie conjugale sous l'Ancien Regime. P., 1975.
- ²¹ Muchembled R. Op. cit. P.88, 99.
- ²² Muchembled R. Culture populaire et culture des elites. P., 1978. P.346.
- ²³ Tackett T. Par le volonte du peuple: Comment les deputes de 1789 sont devenus revolutionnaires. P., 1997. P.65-72.
- ²⁴ Об этом см. например: Dansette A. Histoire religieuse de la France contemporaine: L'Eglise catholique dans la melee politique et sociale. P., 1965; Plongeron B. Theologie et politique au siecle des Lumieres: 1770-1820. Geneve, 1973.
- ²⁵ Robin R. Fief et seigneurie dans le droit et ideologie juridique a la fin du XVIII siecle // Annales historiques de la Revolution Francaise (Далее - AHRF), 1971. № 206.
- ²⁶ Документы истории Великой Французской революции. Т.1. С.392.
- ²⁷ Там же. С.390-391.
- ²⁸ Будущий жирондист и противник Робеспьера [Бриссо](#) шел дальше, предлагая упразднить и сан епископа См.: Карп С.Я. Религиозные проблемы в годы Французской буржуазной революции конца XVIII века: Церковная политика лидера Жиронды // Вопросы истории. 1987. № 2. С.57.
- ²⁹ Мягкова Е.М. Крестьянство Вандеи накануне и в период Французской революции (1789-1793 годы): Исследование социокультурного развития: Автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2001. С.18.
- ³⁰ Gerard A. Pourquoi la Vendee? P., 1990. P.198-199, 205-206.
- ³¹ Chassagne S. Angers // l'Eglise de la France et la Revolution. T.1. P.74.
- ³² Chaline N.-J. Rouen // Ibid. P.24.
- ³³ De Viguene J. Christianisme et Revolution: Cinq Lecons d'histoire de la Revolution francaise. P., 1986. P.92.
- ³⁴ Dupuy R. Op. cit. P.15, 99, 152, 176-178; Lagree M. L'Ille-et-Vilaine // L'Eglise de la France et la Revolution. T. L. P.60.

- ³⁵ Vovelle M. Aix-En-Provence // Ibid. T. 2. Le Midi. P., 1984. P.47.
- ³⁶ Vovelle M. jatil eu un Revolution culturelle au XVIII-e siecle?: A propos de l'Education populaire en Provence // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1975. № 1.
- ³⁷ Meyer J.-Cl. La vie religieuse en Haute-Garonne sous la Revolution: 1789-1801. Toulouse, 1982. P.102.
- ³⁸ Ibid. P. 96; idem. Toulouse // L'Eglise de la France et la Revolution. T.2. P.96; Godechot J. La revolution francaise dans le Midi toulousian. Toulouse, 1986. P.21, 131.
- ³⁹ Riou M. Religion et revolution dans le departement de l'Ardech // Religion, revolution, contrerevolution dans le Midi: 1789-1799. P., 1990. P.105, 113.
- ⁴⁰ Frayssenge J. Religion et contre-revolution en Rouergue mendionale // Ibid. P.87 92.
- ⁴¹ De Viguerie J. Op. cit. P.93.
- ⁴² Tackett T. La Revolution, L'Eglise, la France: Le serment de 1791. P., 1986; Julia D. La Revolution, L'Eglise et la France // AESC. 1988. № 3.
- ⁴³ Документы истории Великой Французской революции. М., 1992. Т.2. С.229-236.
- ⁴⁴ Там же. Т.1. С.396-403.
- ⁴⁵ Vovelle M. La Revolution contre L'Eglise: De la Raison a l'Etre Supreme. Bruxelles, 1988. P.231.
- ⁴⁶ Furet F. La Revolution: DeTurgot a Jules Ferry: 1770-1880. P., 1988. P.101.